

Адриан Селин
(Высшая Школа Экономики, Санкт-Петербург)

«Смоленский архив» и королевские пожалования под Смоленском 1610-1611 гг.1

“Smolensk Archives” and royal awards near Smolensk 1610-1611.

Key words: Smolensk, Sigismund III, the Moscow State, boyars, Polish-Lithuanian Commonwealth, Lew Sapieha, Vladislav IV,

Annotation: The article deal with the archival data on the estate giving to Russian gentlemen and noblemen in the military camp of King Sigismund III near Smolensk. The issue is about how the estate giving to Muscovites was provided by the Chancellery of Great Chancellor of Lithuania Leo Sapieha and how possible was the dialogue of two bureaucratic traditions. A special issue is the case of noblemen Rzhevskies; their petitions to the “Czar Władysław” and to Chancellor Sapieha were the most numerous.

„Archiwum smoleńskie” i nadania królewskie pod Smoleńskiem w 1610-1611

Słowa kluczowe: Smoleńsk, Zygmunt III, Państwo Moskiewskie, bojarzy, Rzeczpospolita, Lew Sapieha, Władysław IV,

Streszczenie: Artykuł bazuje na archiwalnych danych majątkowych dotyczących rosyjskich bojarów i szlachty w obozie wojskowym króla Zygmunta III pod Smoleńskiem. Kwestia dotyczy tego, jak majątek nadawany elitom moskiewskim był legalizowany przez Kancelarię Wielkiego Kanclerza Litewskiego Lwa Sapiehy i jak był możliwy dialog dwóch tradycji biurokratycznych. Szczególną kwestią jest sprawa szlachcica Rzewskiego, którego prośby do „cara Władysława” i do kanclerza Sapiehy były najliczniejsze.

¹ В основу данной статьи легли доклады, прочитанные автором на Летней конвенции АС-СЕЕС в Львове (июнь 2016 г.), а также на IX конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (сентябрь 2017 г.). Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта РФФИ № 16-01-12012в «Правящая элита Русского государства в правление Ивана Грозного: электронная база данных и историческое исследование».

Важным вопросом в изучении Смуты в Московском царстве начала XVII в. является возможность / невозможность существования единого языка коммуникации людей московской культуры с иноземцами. Методология исследования этого вопроса может базироваться на изучении тех памятников деловой документации, которые возникли в результате такого взаимодействия. Среди городов Московского царства только два – Смоленск и Великий Новгород – имели в начале XVII в. делопроизводство, организованное по традиционному московскому укладу, но испытывавшее очевидное влияние иноземцев: в первом случае – канцелярии великого канцлера литовского Льва Сапеги, во втором – аппарата (?) секретаря М. М. Пальма. Делопроизводственная документация, происходящая из Новгорода и из королевского лагеря под Смоленском сейчас преимущественно находится в двух архивных коллекциях Государственного архива Швеции (Svenska Riksarkiv), Smolenskarkivet и Ockupationsarkivet från Novgorod; разрозненные части этой документации находятся также в некоторых архивах Российской Федерации. Очевидно, что наиболее близка (но далеко не тождественна) Москве по политической культуре и по бюрократическим практикам была Литва². Рассмотрению «Смоленского» опыта диалога и посвящена данная статья.

«Смоленским архивом» начала XVII в. условно именуется комплекс документов, происходящий из осажденного в 1609-1611 гг. Смоленска, державшего в годы московской Смуты сторону царя Василия Шуйского, а также, частично, из лагеря короля Сигизмунда III, осаждавшего город. Эти документы стали в середине XVII в. трофеем, доставшимся шведам в Польше во время польского Потопа, стали частью частной коллекции графа Врангеля, а позднее – Ску-Клостерского собрания графов Браге, в 1893 г. переданных в Государственный архив Швеции. Общеизвестно, что значительное число документов на русском языке из Швеции, в том числе – и документов Ску-Клостерского собрания, были вывезены в Россию проф. С. В. Соловьевым еще в 1830-х гг. и частично проданы, частично переданы в императорскую Археографическую экспедицию. Сейчас они распределены между двумя фондами Научного архива Санкт-Петербургского института истории РАН (124 «Коллекция С. В. Соловьева» и 174 «Собрание актов до 1613 г.»). Более половины «смоленских» документов из коллекции С. В. Соловьева были опубликованы Археографической комиссией во II томе Актов исторических (СПб., 1841). В начале XX в. значительная часть «Смоленского архива» была временно передана из Стокгольма в Москву российскому ученому Ю. В. Готье, издавшему том «Памятники обороны Смоленска». Позднее эти документы были возвращены в Государственный архив Швеции, где хранятся и поныне. В настоящее время в целом завершена работа над созданием электронного каталога «Смоленского архива» по состоянию до изъятия части его документов С. В. Соловьевым³.

² O złożonej sytuacji językowej na Litwie w drugiej połowie XVI i pierwszej XVII wieku patrz np.: Andrii Danilenko, *A missing chain? On the sociolinguistic of the Grand Duchy of Lithuania*, "Acta Baltica-Slavica" 41, 2017, s. 31-57.

³ E. Löfstrand, P. Ambrosiani, *The Stockholm Smolensk archives: History, contents and cataloguing*, "Петербургский исторический журнал" 2017, № 3, с. 162-173.

В последнее время перспективными являются работы по реконструкции архивов прошлого. Интересна работа, проведенная М. М. Кромом по реконструкции архива Радзивиллов⁴. Для нашего исследования чрезвычайно важна работа И. О. Тюменцева по реконструкции архива Яна Петра Сапеги. Особенно важна классификация документов из архива Я. П. Сапеги, сделанная И. О. Тюменцевым: она позволяет довольно точно определить источники архива и характер деятельности секретарей Я. П. Сапеги. Ученый отметил, что к архиву Я. П. Сапеги восходит и часть документов, опубликованных Ю. В. Готье⁵. Видимо, инициатором вывоза документов из Смоленска в 1611 г. был канцлер Великого княжества Литовского Лев Сапега. У него же хранились и документы, скопившиеся в королевском лагере во время осады. В первой половине XVII в., как пишет И. О. Тюменцев, часть документов из полевого архива Яна Петра Сапеги и Льва Сапеги некоторое время хранились вместе, и произошла некоторая их «диффузия» – они сильно перемешались⁶. Березский архив, захваченный шведами в середине XVII в. и составивший собственно «Смоленский архив» Государственного архива Швеции, состоял преимущественно из документов канцлера Льва Сапеги, но также в небольшой своей части, и из походного архива Яна Петра Сапеги. К последним относятся, к примеру, перехваченные письма из Троицы в Москву⁷. В Смоленске эти документы никогда не были, разве что проездом, после взятия города. Далеко не все остальные документы «Смоленского архива», в том числе – в той части, которую вывез Лев Сапега, происходят из осажденного Смоленска: часть документов в нем – из королевского лагеря под Смоленском. Прежде всего – это письма ко Льву Сапеге, а также челобитные дворян Сигизмунду и Владиславу о пожаловании им поместий и/или чинов.

Лагерь Сигизмунда III под Смоленском осенью 1610 – весной 1611 гг. был наиболее авторитетным центром принятия решений в Московском государстве. В поисках «прирожденного государя» служилые люди устремлялись к королю Сигизмунду и нареченному царю Владиславу. Смоляне, уходившие от ставшего местным диктатором воеводы боярина М. Б. Шеина⁸, стремились выказать лояльность новому государю, не отказывавшему в покровительстве и православным (в том числе – новым) подданным. С августа 1610 г. под Смоленском

⁴ Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки, сост. М. М. Кром, Москва-Варшава 2002.

⁵ И. О. Тюменцев, Русский архив Яна Сапеги 1608-1611 годов: Опыт реконструкции и источниковедческого анализа, Волгоград 2005, с. 35.

⁶ И. О. Тюменцев, Русский архив..., с. 31, 34-36

⁷ Подробнее: А. А. Selin, *The Archives of Two Sapiehas and the Two Letters by Xenia Godunova*, [w:] Пяты міжнародны кангрэс даследчыкаў Беларусі. Працоўныя Матэрыялы, том 5 (2016), с. 71-76.

⁸ Амбиции боярина Шеина хорошо иллюстрирует челобитная смоленского посадского человека Ореха Алексеева (1610 г.): «Государю Михайлу Борисовичю бьет челом Орешка Олексеев. Смилуйся, государь Михайла Борисович, над бедным, пожалуй бедного, вели, государь, дати пуд меду и деньги взяти по большой цене, чтоб твоею, государя своего милостью, голодной смерти не получитьи. Государь Михайла Борисович, смилуйся, а милостивое твое государево слово о том до меня, до бедного, было, как яз тебе, государю, бил челом наперед сего» (Челобитная Ореха Алексеева воеводе М. Б. Шеину о даче пуда меду и взятии денег «по большой цене». 1610, „Научный архив Санкт-Петербургского института истории“ (далее в сносках: СПбИИ), кол. 124, оп. 1, д. 461)

началась работа традиционных для московской приказной культуры учреждений, чего-то наподобие Поместного приказа: именем короля и нареченного царя просители наделялись поместьями и денежным жалованьем. Среди просителей в королевском лагере были как местные дворяне (точнее – служилые люди Смоленска, Дорогобужа, Вязьмы, Торопца, Ржевы Пустой), так и члены Государева двора, пришедшие из Москвы и прибывшие из других городов, прежде всего из Великого Новгорода. Служилые люди обращались в королевский лагерь с челобитными так же, как обращались ранее «к государю в Москву»; пожалование их поместьями и денежным жалованьем шло в московских традициях и осложнялось в ряде случаев лишь возможностями проконтролировать королевской властью всю территорию государства.

Таким политическим центром королевский лагерь под Смоленском становится примерно с августа 1610 г. и до начала марта 1611 г. (что показали Б. Н. Флоря⁹ и отчасти В. Н. Козляков¹⁰). Однако уже в начале осени 1609 г., когда лагерь только образовался он стал представлять для окрестного пространства достаточно легитимный центр силы.

Хорошо известно, что в годы Смуты процесс раздачи поместий и их мобилизации был чрезвычайно полицентричен. Видимо с 1604 г. и во всяком случае с 1605 в стране одновременно существовало более одного центра власти, бравшего на себя, в частности, функцию поместной раздачи (что, по идее, противоречило самой идее поместья – условного держания земельного участка за службу государю). Позднее грамоты на поместья и вотчины выдавали не только все «государы», но и многие военачальники. Еще Л. М. Сухотин обратил внимание на то, что грамоты на поместные дачи выдавались даже гетманом Станиславом Жолкевским между Клушинской битвой и присягой Москвы в августе 1610 г.¹¹ Тем более такие дачи стали производиться после прихода под Смоленск Сигизмунда. Местным помещикам, требовалась легитимация той текущей мобилизации поместий, которая постоянно продолжалась: вступление во владение отцовским поместьем, получение прожитка вдовой и детьми служилого человека: все эти повседневные изменения в землевладении требовали «государьского» утверждения. Именно вопросу о пожалованиях, преимущественно поместных и вотчинных, произведенных в королевском лагере под Смоленском пойдет дальше речь.

Дающие об этом информацию источники обладают следующими признаками:

- 1) небольшой хронологический интервал (сентябрь 1609 – июнь 1611 г.);
- 2) неплохая сохранность и компактность во времени и месте;
- 3) в отличие от документов других дворов – хронологическая компактность позволяет дать исчерпывающую характеристику работы канцелярии с московскими людьми. Подобная сохранность для документов, к примеру двора тушинского Вора и его местных подразделений, не наблюдается.

⁹ Б. Н. Флоря, Польшско-литовская интервенция в России и русское общество, Москва 2005.

¹⁰ В. Н. Козляков, Смута в России XVII века, Москва 2007.

¹¹ Л. М. Сухотин, Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе, 1610–1611 гг., Москва 1911, с. XI–XII.

Кроме того, эти источники достаточно давно и хорошо введены в научный оборот. Вместе с тем, существует одно аналитическое исследование этого круга памятников (И. С. Беляева¹²) и большая аналитическая статья публикатора части этих источников Л. М. Сухотина). Публикацию последнего «Земельные пожалования при королевиче Владиславе»¹³ предварял источниковедческий очерк, в котором также содержится и анализ политической ситуации, сложившейся в Москве при А. К. Гонсевском. Эти исследования основаны на документах Поместного приказа; Л. М. Сухотин исследовал приписи дьяков, пометы Гонсевского и других политических деятелей времени Московской осады 1611-1612 гг. Нас же интересует то, что происходило в королевском лагере под Смоленском.

Особо стоит сказать о статье И. С. Беляева, специально посвященной королевским пожалованиям (а также сделанным в Москве от имени царя Владислава). После публикаций документов, произведенных как публикаторами Актов Западной России, так и Л. М. Сухотиным, И. С. Беляев провел тщательное исследование подлинников этих источников, обнаружив в Московском архиве Министерства юстиции. Ученый не удовлетворился печатной копией, но нашел в Литовской метрике в Московском архиве Министерства юстиции документ, по которому была сделана публикация 1851 г.. Это – хранившаяся в составе Литовской метрики «Книга переписей», № 14, точнее – черновик большой книги. По наблюдению И. С. Беляева, все документы, опубликованные в 1851 г. как жалованные грамоты короля разным московским чинам – это черновики (на этом Беляев делает акцент). В подлинной книге – сбита хронология (в середине – вставлены два документа 1585 г., исключенные при издании АЗР, без всякой оговорки). И. С. Беляев соотнес опубликованные документы с текущей (в 1610-1612 гг.) практикой наделениями поместья – челобитная – справка – дача. По его мнению, после смерти Бориса Годунова и до 1610г. правильное наделение поместьями прекратилось, но с выбором Владислава в московском обществе возникла надежда на упорядоченность. Обращает внимание на роль Льва Сапеги в деле наделения новыми дачами. Очень важно, что дачи смолянам в королевском лагере начались с 22 февраля 1610 г. Именно это время может считаться началом лояльности со стороны местных помещиков по отношению к королю. По наблюдениям И. С. Беляева, большая часть (557) грамот была выдана после 17 августа 1610 г. Но грамоты при этом писались от имени Сигизмунда, а не Владислава. Резкое сокращение идет с начала 1611 г.: с 1 января 1611 до 17 мая было сделано всего 23 записи, потом, до 8 августа 1612 г. – ни одной. И. С. Беляев, работавший в националистической парадигме, указывал на «инородческий», «чуждый русскому человеку» язык грамот 1610/11 г. По его мнению, король под Смоленском вершил дела самовластно, не обращаясь к приказам. В заметке И. С. Беляева содержалась и критика публикации Л. М. Сухотина («Земельные пожалования...»): по мнению ученого, Сухотин слишком буквально следовал за источниками, говоря о роли боярского правительства в Москве; по мысли Беляева, роль последнего была номинальна.

¹² И.С. Беляев, По поводу одного из источников Смутного времени. О пожаловании «деревнишек», „Старина и новизна“ 1914, т. 17, с. 45-56.

¹³ Л. М. Сухотин. *Земельные пожалования...*

Документы, связанные с королевскими пожалованиями под Смоленском, сохранились как в составе Литовской метрики (ныне в РГАДА; во всяком случае – те тексты, что были опубликованы в 1851 и 1913 гг.), а также в составе «Смоленского архива». Среди челобитчиков, чьи просьбы разбирались под Смоленском, было две основные категории московского люда – это члены Государева двора (участники посольства митрополита Филарета и кн. В. В. Голицына) и те, кто курсировал между Москвой и Смоленским лагерем, а также дворяне Смоленского и окрестных уездов. Мне уже приходилось писать о большой группе новгородцев, псковичей и пусторжевцев, получивших пожалование под Смоленском в 1610–1611 гг.¹⁴

Челобитные, сохранившиеся в составе Смоленского архива, а также те, упоминания о которых содержатся в документах Литовской метрики, делятся на две большие категории:

- 1) челобитные «о милости», в тексте которых содержалась неопределенная просьба к государю / государям, указывающая на лояльность,
- 2) челобитные с конкретным содержанием: преимущественно о земельных владениях, но также и о пожаловании в чин.

Существовали, действительно, просьбы непомерные, не соответствовавшие чину челобитчика, равно как и реальным властным возможностям королевского правительства. А. М. Сухотин писал о том, что ряд челобитных, в частности – «неумеренность просьб дьяка И. Т. (К.) Грамотина, повергала в недоумение даже королевскую канцелярию» (Льва Сапегу).¹⁵

Одной из самых «демонических фигур» времени действия королевского лагеря считался боярин М. Г. Салтыков, вошедший в историографию как один из наиболее последовательных сторонников продвижения именно королевской кандидатуры на роль правителя Московского царства. Рассмотрение документов, происходивших из королевского лагеря, дает возможность прояснить и здесь некоторые особенности. Источником наиболее серьезных инвектив в адрес Салтыкова являются его письма. Среди пожалований боярину Салтыкову выделяются новгородские – от 30 марта 1610 г., в том числе «в уезде Копорском отчизны Дятелинскую, Заможскую и Погостье с деревнями ...»¹⁶. Не более реальными были пожалования А. Ф. Палицыну, будущему «герою осады Новгорода и Руссы» в 1614 г. Ему действительно жаловались его родные места – в районе реки Маяты в восточном Приильменье, (в Новгородском уезде, в Деревской пятине селцо Тысво и две деревни к тому же селцу)¹⁷. Никому не известному Кириллу Толмачову 22 августа 1610 г. кроме всего прочего было пожаловано село Тесово с деревнями.¹⁸

¹⁴ A. A. Selin, *Nowogrodzianie pod Smoleńskiem zimą 1610-1611 roku*, „Wschodni Rocznik Humanistyczny” t. 8 (2012), s. 8–22.

¹⁵ Л. М. Сухотин, *Земельные пожалования...*, с. XIV.

¹⁶ Жалованные и другие грамоты польского короля Сигизмунда московским сановникам, дворянам, детям боярским и другим лицам на отчины и поместья, денежные и хлебные оклады, дворы и пр. по случаю избрания сына его, королевича Владислава на Московский престол. 1610–1612 Акты Западной России. т. 4. СПб. 1851 (далее в сносках АЗР), с. 325–326, № 42.

¹⁷ АЗР, с. 380, № 538.

¹⁸ АЗР, с. 347, № 230.

Одним из самых характерных пожалований является пожалование кн. М. В. Белосельскому от 30 июля 1610 г. Согласно тексту грамоты, он «имел в Новгородском уезде, в Вотцкой пятине, от людей Немецких, которые шли к Шуйскому на помощь, и от Шуйского людей опустошено, высечено и выжжено, и местность дей его всю, когда он был в Осифов на службе у Сигизмунда и уходил з Осифова с патриархом Филаретом, люди Шуйского забрали, и брата его роженного князя Захарья Белосельского в тот час живого поймали; а он дей не мает на чом Сигизмунду служитьи»¹⁹. По королевскому пожалованию ему взамен были даны земли в Ржевском уезде, на который в то время распространялась власть «царя Владислава».

Чрезвычайно характерны пожалования кн. Ф. Ф. Мещерскому (названному одновременно и окольным, и стольником). Никогда не живший в Новгороде, имевший там, впрочем довольно разветвленную семью дальних родственников, князь в несохранившейся челобитной перечислял следующие владения (запись о пожаловании ему «отчины и поместья» была сделана 30 марта 1610 г.)²⁰:

1. Новгородском уезде в Обонежской пятине дворцовая черная волость Кондуйская, село Комча с приселки и с деревнями	Дворцовое село Кондуши, никогда не бывшее в поместной раздаче
2. в Обонежской пятине Ивановское поместье Кулакова на реце на Паше и в Колголеме и на Сермаксе и в Мележье	Иван Кулаков – помещик неизвестный,
3. и в Вотцкой пятине Борисовское поместье Секерина село Пидьба с деревнями	Село Пидьба – дворцовое, в ближайших окрестностях Новгорода. Оно не было в поместье за Борисом Османовым сыном Секириным. Б. О. Секирин скончался примерно в это время, возможно, что челобитная кн. Ф. Ф. Мещерского была связана с известием об этой кончине
4. в Обонежской же пятине дворцовая волость село Королево с деревнями...	Дворцовое село Королево – одно из ближайших к Новгороду дворцовых сел, располагалась не в Обонежской, а в Водской пятине. Никогда не жаловалась в поместье

Примечательны пожалования молодым братьям Богдану и Тихону Дубровским. 15 августа 1610 г. новгородец Шелонской пятины Богдан Дубровский получил грамоту на «поместье в отчину ему данное» - село Болонье с деревнями, располагавшееся на Мсте, востоку от Новгорода (в дворцовых землях, не раздававшихся в поместья. Это пожалование, согласно королевской грамоте, было сделано вместо имевшихся у Дубровского 100 четвертей, взятых будто бы во Дворец²¹. Надо сказать, что Дубровский действительно в 1602 г. получил из дворцовых земель часть д. Углы (именно 100 четвертей) в Струпинском

¹⁹ АЗР, с. 337-338, № 137.

²⁰ АЗР, с. 328, № 53.

²¹ АЗР, с. 340-341, № 167.

погосте²². Список с челобитной Б. Дубровского сохранился в реестре челобитий, опубликованных Л. М. Сухотиным²³. Однако в свои пожалованные королем владения в Бежеской пятине владения Богдан Дубровский не вступил. Но 30 декабря 1610 г. ему и его брату Тихону было пожаловано также село Подгощи, к югу от Ильменя, в Шелонской пятине, также из дворцовых земель. Эти поместья значились за Б. Дубровским и тогда, когда он в 1611-1614 гг. служил уже новгородскому правительству Одоевского – Делаярди.

Лев Плещеев, происходивший из новгородских помещиков Бежецкой пятины, но вошедший в силу еще в тушинском лагере (Авраамий Палицын сообщает о том, что Плещеев был среди осаждавших Троицу), достиг высшего в своей карьере чина кравчего именно в королевском лагере. Именно с этим пожалованием в кравчие было связано пожалование его селом Бели Можайского уезда и посадом Гороховец. Однако первая его челобитная королю была связана с его «новгородскими», «бежецкими» корнями. Челобитная Плещеева не сохранилась, однако известно королевская грамота от 30 марта 1610 г. на «отчизны и поместья его, а в них: в Новгородском уезде, в Бежецкой пятине дворцовая волостка Липенская и рядок Боровичи с кабаком и с тамгою и с перевозом, село Осечня с деревнями, а в нем в живущем 300 ч.»²⁴. Эта грамота также – из нереализованных. И волости Липенский Котлован и Осечня, и рядок Боровичи никогда в своей истории не оказывались в поместной раздаче.

Надо сказать, что когда в октябре-ноябре 1610 г. власть в Новгороде на четыре месяца взял Иван Салтыков, большая часть «непомерных» королевских пожалований в Новгородской земле так и не была осуществлена. Массовой раздачей дворцовых волостей в поместья и вотчины в Новгородской земле не происходило ни при каком правительстве (а тут можно говорить о правительстве) 1605 – 1617 гг. Не был запущен процесс передачи, к примеру, отцу И. М., боярину М. Г. Салтыкову погостов в Копорском уезде, о которых говорилось ранее. Редким исключением может считаться пожалование небольших волостей в поместья временно оказавшимся в Новгороде дворянам-неновгородцам; для этого впрочем, существовал небольшой своего рода маневренный фонд земель (волость на средней Плюссе, в Карачуницком и Болчинском погостах в Пошелонье), использовавшийся в таких целях и до Смуты, когда приходилось обеспечивать поместьями присылаемых в Новгород администраторов. Самое серьезное здесь исключение – пожалование в 1611 г. кн. И. Н. Большого Одоевского Славитинским погостом из старорусских дворцовых сел. Но, повторюсь, расхищения дворцового фонда «временщиками» в Новгородской земле не наблюдается.

Среди документов, связанных с пожалованиями под Смоленском членов Государева двора, следует привести большую подборку челобитных от дворян Ржевских и их родственников. В смоленском архиве сохранилось в

²² Отдел подьячим Фокой Петровым поместья Богдану Нежданову сыну Дубровскому 100 четвертей поместья в новоприписной д. Углах в Струпинском погосте Шелонской пятины. 1611. 1.02, Svenska Riksarkiv. Ockupationsarkivet fran Novgorod, serie 1:41, с. 203-205.

²³ Реестр челобитий королю Сигизмунду от русских людей о вотчинах и поместьях. Под Смоленском, 1610, [w:] Л.М. Сухотин, Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610-1611 гг., Москва 1911, с. 115.

²⁴ АЗР, с. 325., № 41.

общей сложности 11 челобитных Ржевских на имя короля и нареченного царя Владислава, а также одна челобитная на имя великого канцлера литовского Льва Сапеги. 11 из этих челобитных были поданы в августе – сентябре 1610 г., когда Ржевские всей семьей оказались в королевском стане под Смоленском. В качестве челобитчиков непосредственно или косвенно выступали более 15 представителей этой фамилии, среди которых были как те Ржевские, кто вошел в Государев Двор при тушинском Воре, так и те, кто лишь претендовал на такое вхождение. Самые видные представители фамилии, Иван и Григорий Ржевские были среди тех, кого уже в августе 1610 г. С. Жолковский отправил из Москвы к королю под Смоленск. Старший из братьев, Иван Никитич, претендовал на подтверждение боярского чина, полученного в Тушине. Остальные Ржевские искали себе также повышения в чинах и закрепления за ними отнятых владений. Младшие представители рода были как раз помещиками западных уездов (Дорогобужского); опираясь на высокий чин и не менее высокие претензии родственников, они пытались закрепить за собой поместья близ Смоленска, наряду с другими помещиками этой области. Все челобитные Ржевских корреспондируют с записями о земельных дачах и иных пожалованиях, осуществленных в королевском лагере.

Ржевские происходили от князей Фоминских, однако к XVI веку они утратили титул²⁵. В челобитных на имя короля и царя Владислава Ржевские обозначают себя как дорогобужские вотчинники и помещики. В документах «Смоленского архива» и в документах разрядной документации по Смоленску начала XVII в. удалось выявить нескольких Ржевских (помещика Смоленского уезда Василия Матвеева сына Ржевского, возможно, его сын Василий Васильев сын Ржевский, поручитель в поручной записи 1610 г.²⁶, Данила Ржевского – сидевшего в осаде вяземского помещика²⁷, дорогобужанина Федора Ржевского с женой и двумя детьми, также сидевшего в осаде и служившего головой на Костровской башне²⁸ и другого дорогобужанина, Ивана Ржевского, чья семья жила во дворе смоленского судьи И. П. Ленина²⁹. Никто из них, кроме В. М. Ржевского в группе

²⁵ Н. Д. Квашнин-Самарин, Исследование об истории княжества Ржевского и Фоминского, Тверь 1887.

²⁶ [Сыскное дело о бегстве в королевский лагерь смоленских детей боярских кн. Василия Морткина и Михаила Сущева и подготовке к побегу их товарищей. Без начала и окончания. 1610 августа около 3], [w:] Ю. В. Готье, Памятники обороны Смоленска 1609-1611 гг., Москва 1912. (далее в сносках Готье 1912), д. 159.

²⁷ [Память смоленских воевод М. Б. Шеина и кн. П. И. Горчакова Василию Андреевичу Давыдову и подьячему Василию Ильину о раздаче соли дорогобужским, вяземским, серпейским и брянским детям боярским и их женам и детям и роспись соляной раздачи. 1611 января 5], [w:] Готье 1912, 253; [Роспись хлебной раздачи вяземским детям боярским. 1611 января 11], [w:] Готье 1912, 255.

²⁸ [Роспись смоленских посадских людей по башням и пряслам смоленской крепости], [w:] Готье 1912, 231; [Память смоленских воевод М.Б.Шеина и кн. П.И.Горчакова Василию Андреевичу Давыдову и подьячему Василию Ильину о раздаче соли дорогобужским, вяземским, серпейским и брянским детям боярским и их женам и детям и роспись соляной раздачи. 1611 января 5], [w:] Готье 1912, 253; [Память смоленских воевод М.Б.Шеина и кн. П.И.Горчакова Ивану Коптяжину и подьячему Янке Петрову о раздаче отписного хлеба Федора Мягкого сына Ефимьева дорогобужским детям боярским и роспись раздачи. 1611 мая], [w:] Готье 1912, 256.

²⁹ [Переписные книги хлебных запасов смоленских жителей. Без начала. 1610 марта], [w:] Готье 1912, 246.

поданных челобитных не упоминается. Еще один их Ржевских, Матвей Никитин сын, служил по Шелонской пятине (в последний раз упомянут в 1610 г. как посланный в пятинны высельщик, возможно – брат И. Н. Ржевского, Впрочем в челобитных Ржевских он также не встречается) Видимо, тут есть еще определенные перспективы исследования.

Документы Ржевских

1. 1610, августа (?) Челобитная королю Сигизмунду и царю Владиславу Ивана, Григория, Ивана, Никиты, Ивана, Лаврентия, Василия, Федора, Якова и Ивана Ржевских, Григория Доможирова, Ивана Петелина, Ивана Горихвостова, Семена Дмитриева и Афанасия и Михаила Царевских, приехавших от гетмана Жолкевского с просьбой о даче им корма³⁰. По всей вероятности, это – самый ранний из документов, относящийся к «челобитным Ржевских». Он был составлен сразу по приезду Ржевских и нескольких других дворян из Москвы, от гетмана Жолкевского. «Служили, государи, мы и прямили вам, великим государем, и хотели на Московское государство государем тебя, Владислава Жигимонтовича королевича, и за то, государи, мы от князя Василья Шуйского разорены до основанья и в тюрьмах сидели, и о том об нас к тебе, великому государю Жигимонту королю гетман Желковский писал». Челобитчики просили лишь о разовом вспомоществовании: «запасишку, государи, с нами нет, самим и людишкам ести нечево и лошадей кормити нечем (сверху): а людишек с нами дватцать человек». Какой-то информации об осуществлении этого пожалования нет.
2. 1610, августа (?) Челобитная королю Сигизмунду Ивана и Григория Никитичей Ржевских о пожаловании их за службу, разоренье и тюремное сидение – первого боярством, а второго окольниковством³¹. Ржевские писали: «что мы за вас, великих государей, в тюрьме сидели, а брата, государь, нашего родного велел Шуйской убит, а что было у нас именья и скарбы наши, то у нас Шуйской князь Василей поимал». Челобитчики ссылаются на письмо о себе к королю от Жолкевского, а также на то, что гетман кн. Роман Ружинский «и все бояре» (т.е. тушинский двор) в своих письмах называли И. Н. Ржевского окольниковчим. Кроме того, И. Н. Ржевский отметил присутствие своей подписи на договоре с королем, привезенным под Смоленск М. Г. Салтыковым. Григорий же Ржевский считал своей заслугой пропаганду в пользу короля: по словам челобитчика, он писал из Москвы «в таборы» к кн. Ружинскому и к И. Н. Ржевскому письма, склоняя их отказаться от поддержки самозванца и участвовать в призвании Владислава на Московское царство, за что будто бы был вместе с сыном и снохой – женой погибшего брата Андрея, посажен Шуйским в тюрьму. Андрей Ржевский упоминается в челобитной, поданной там же под Смоленском Захарием Ляпуновым, одним из участников свержения Шуйского в июле 1610 г. «а тот, государь, Ондрей Ржевской крестному целованью изменил, отъехал к Вору и в воровстве его убили»³², после чего царь Василий Шуйский пожаловал Ляпунова поместьем А. Ржевского в Рязанском уезде. И. Н. же Ржевский будто бы ездил в Москву из Тушина также агитировать в пользу Владислава, за что был схвачен и сослан в Ярославль. За это старшие братья Ржевские требовали своего производства соответственно в бояре (Иван) и в окольниковчие (Григорий). Эта

³⁰ Научный архив Санкт-Петербургского института истории [dalej: СПбИИ], кол. 124, оп. 1, д. 467.

³¹ СПбИИ, кол. 124, оп. 1, д. 478; опубликовано: Акты исторические, СПб. 1841, т. 2, № 311, VI.

³² Акты исторические, СПб. 1841, т. 2, № 311. III.

коллективная челобитная сразу девятерых представителей рода, находившихся в чине выборных дворян в разных уездах (Дорогобуж, Смоленск, Белая, Кострома, Рязань и Руза), «Мучили, государи, мы живот свой от князя Василья от Шуйсково, разорены со всеми животами за вас, великих государей». Они просили поверстать их денежным и поместным окладами сообразно их чину. Видимо, ответ мы видим в таком королевском пожаловании от 25 сентября 1610 г.³³: «Дано лист до бояр думных Ивану Александровичу, Лаврентию Ивановичу, Василью Матвеевичу, Ивану Юрьевичу, Федору да Богдану Андреевичом, Якову Григорьевичу, Ивану Петровичу и Андрею Ивановичу Ржевским, шtbody с городов своих по выбору служили»

3. 1610, августа (?) *Челобитная литовскому канцлеру Льву Ивановичу Сапеге дворян Ивана и Григория Никитичей с детьми Иваном и Никитой, Ивана Александровича, Лаврентия Ивановича, Василия Матвеевича, Федора Андреевича, Якова Григорьевича и Ивана Петровича Ржевских, Григория Доможирова и Ивана Петелина об испрошении у короля должностей боярина, окольничего, стольников и стряпчих при Владиславе и поместий и денежного жалования за службу и гонения от Шуйского*³⁴. Ржевские писали, что будто бы «мучили живот свой от Шуйскова и от его угодников, сидели по тюрьмам и розорены ср всем животом и скарби наши пограбили и имения наши побрали и честь у нас поогнимали». Они писали о том, что боярином был Андрей Ржевский, но его «убили по Шуйского веленью», после чего они и просят заступничества великого канцлера литовского перед королем для повышения своих окладов, как бы замещая освободившееся боярское место после смерти Андрея Ржевского, с тем, чтобы его окольничье место было передано следующему брату, Григорию, детей бы пожаловали в стольники, Якова и Ивана Ржевских – в стряпчие, а оставшихся младших членов семьи и Григория Доможирова записать в московский список, а пошехонца Ивана Петелина записать в выбор. Ржевские и их товарищи жаловались, что пожалования от короля имеют даже те, кого взяли в бой и привели к королю в языках, тогда как в отношении их справедливость не восстановлена. «Прими, государь, нас на свою милость и ласку и зделай нас вековых себе слугами с моим родом и з друзьями!». Видимо, с данным документом связано королевское пожалование (подготовленное, видимо, адресатом челобитной) от 5 декабря 1610 г.: «Того ж дня дан лист бояром, по челобитью Матвея Ржевскаго, велено его написать по Московскому списку»³⁵. Лев Сапега неоднократно выступает как потенциальный ходатай за московских служилых людей, прежде всего – за членов Государева Двора. Даже брат свергнутого царя Василия Шуйского прибег к покровительству Льва Сапегы для нормализации своего положения после свержения брата. Он в конце 1610 г. (?) отправил ему письмо следующего содержания: «Государю Льву Ивановичю князь Иван Шуйской челом биег. Государь Лев Иванович, милость покажи свою надо мною над бедным, сам, государь, пожалуй, а великому, государь, королю Жигименту буди печальник, шtbody милостию своею меня пожаловал. Государь Лев Иванович, милость свою покажи надо мною над бедным, вступися, буди печальник. Государь Лев Иванович, смилуйся, пожалуй по своему обыклому милостивому нъраву. Государь, смилуйся, пожалуй, вступися!»³⁶

³³ АЗР, с. 351, № 273.

³⁴ СПбИИ, кол. 124, оп. 1, д. 519.

³⁵ АЗР, с. 394, № 680, 1610, 05.12.

³⁶ Письмо кн. И. И. Шуйского канцлеру Льву Сапеге с просьбой о покровительстве. 1610 (СПБИИ, кол. 124, оп. 1, д. 465).

4. 1610 августа (?) Челобитная королю Сигизмунду и царю Владиславу о кн. Ивана Никитича Ржевского и думного дворянина Григория Никитича Ржевского о поверстании их денежным жалованьем и даче грамоты кн. боярину кн. Ф. И. Мстиславскому и воеводе Александру Гонсевскому³⁷. В этом документе вновь содержалась просьба поверстать с другими представителями Государева двора, но содержалось и уточнение – выдаче указной грамоты об этом в Москву, думным боярам и А. Гонсевскому.
5. 1610 августа Челобитная Ивана Александровича, Лаврентия Ивановича, Василия Матвеевича, Ивана Юрьевича, Федора и Богдана Андреевичей, Якова Григорьевича, Ивана Петровича и Андрея Ивановича Ржевских королю Сигизмунду и царю Владиславу о пожаловании их в более высокие чины и назначении более высоких окладов в соответствии с их службой³⁸. Эта коллективная челобитная сразу девятых представителей рода, находившихся в чине выборных дворян в разных уездах (Дорогобуж, Смоленск, Белая, Кострома, Рязань и Руза), «Мучили, государи, мы живот свой от князя Василья от Шуйсково, разорены со всеми животами за вас, великих государей». Они просили поверстать их денежным и поместным окладами сообразно их чину. Видимо, ответ мы видим в таком королевском пожаловании от 25 сентября 1610 г. «Дано лист до бояр думных Ивану Александровичу, Лаврентию Ивановичу, Василью Матвеевичу, Ивану Юрьевичу, Федору да Богдану Андреевичом, Якову Григорьевичу, Ивану Петровичу и Андрею Ивановичу Ржевским, штобы с городов своих по выбору служили»³⁹.
6. 1610 не позднее сентября 25. Челобитная Ивана Никитича, Григория Никитича, Ивана Ивановича и Никиты Григорьевича Ржевских королю Сигизмунду и царю Владиславу о даче им приличных их чинам денежных и поместных окладов⁴⁰. Служивший у Тушинского вора боярином старший из братьев Иван Никитич Ржевский именовал себя здесь окольниким; его брат (в другом документе – см. ниже, № 7, назван думным дворянином), сын и племянник. Ржевские просили об увеличении себе окладов «в версту» другим членам Государева двора «за наше терпение и разорение и за тюремное сидение денежным жалованьем и поместным окладом как и нашу братью», а обоих детей – пожаловании в стольники. Об этом документе есть запись в перечне королевских пожалований (АЗР): «1610. 25.09 Лист дано тем же Ржевским Ивану и Григорью до бояре думных, ознаймуючи о урядах их, иж король его милость дал Ивану окольникство, а Григорью дворянство думное, а сыном их двум стольничество»⁴¹.
7. 1610 не позднее сентября 25. Челобитная Якова Григорьева сына и Ивана Петрова сына Ржевских королю Сигизмунду и царю Владиславу о пожаловании их поместным и четвертным денежным окладом за их мучения при царе Василии Шуйском⁴². Они были, по их словам, лишены при царе Василии чина жильца и жалования из четверти; в этом они просили их восстановить и пожаловать поместьями. Предполагаю, что с этой челобитной может быть связано королевское пожалование 25 сентября 1610 г. «Дворяном, Ивану Юрьевичу, Якову Григорьевичу да Иаву Петровичу Ржевским дано в Дорогобужском уезде селцо Рыково с деревнями,

³⁷ СПбИИ, кол. 124, оп. 1, д. 463.

³⁸ СПбИИ, кол. 124, оп. 1, д. 460.

³⁹ АЗР, с. 351, № 273.

⁴⁰ [Челобитная И. Н., Г. Н., И. И. и Н. Г. Ржевских королю Сигизмунду и королевичу Владиславу о даче им приличных их чинам денежных и поместных окладов. 1610 ранее сентября 25], [w:] Готье 1912, 266.

⁴¹ АЗР, с. 350, № 264.

⁴² СПбИИ, кол. 124, оп. 1, д. 429.

и в Арзамаском уезде Смириого поместье Елагина...»⁴³. Арзамас здесь звучит впервые, но звучит, с моей точки зрения не случайно. Ржевских в «Арзамасских поместных актах» среди помещиков нет, но их родственник, Иван Степанов сын Ржевский – воевода в Арзамасе. Смирной Елагин – также известный по Арзамасским актам помещик. В 1606/07 он получил поместье, утвержденное за ним грамотой (по челобитной) осенью 1611 г.⁴⁴

8. 1610 августа ранее 25. Челобитная польскому королю Сигизмунду и царю Владиславу окольного Ивана Никитича Ржевскаго, вдовы Авдотьи Ржевской и Якова и Ивана Ржевских о возвращении им дворов и огородов в Москве и Переяславле Рязанском, отнятых у них Василием Шуйским и отданных его шептунам и временицикам⁴⁵. «По наносу, государи, князя Василья Шуйсково шептунов Ортема Измайлова с товарищи для моих Ивановых животов и дво(р) мого купленного, Рострига меня, Ивана, з женою и з детми сослал с Москвы в понизовные городы, и в то, государи, время стал на моем дворе Ортем Измайлов... а после Ортема Измайлова стоял на том моем дворе Петр Шереметев, а ныне, государи, стоит на том моем дворе Иван Васильев сын Головин». Кроме того, «шептунами» Шуйского, на имущество которых претендовали Ржевские были также Иван Измайлов и несколько московских подьячих. Видимо с этим документом корреспондирует королевское пожалование, как и многие, выданное 25 сентября 1610 г.: «Лист дано тем же Ржевским до бояр думных о взысканьи животов ихъ, черезъ ушниковъ Шуиского розграбленныхъ»⁴⁶.
9. 1610 ранее сентября 25. Челобитная Лаврентия Иванова сына и Ивана Александрова сына Ржевских королю Сигизмунду и царю Владиславу о пожаловании их поместным и денежным четвертным окладом за их мучения при царе Василии Шуйском⁴⁷. Они указывали на свои страдания при Василии Шуйском («Седели, государи, мы по тюрьмам от князя Василья от Шуйского за вас, великих государей наших, и розорены со всем животом, а что было, государи, за нами вашего жалованья поместейц и денег четвертного жалованья, и то, государи, у нас князь Василей Шуйской отнял») и просили пожаловать «как Бог известит».
10. 1610 ранее сентября 25. Челобитная Василия Матвеева сына Ржевского королю Сигизмунду и царю Владиславу о даче ему старинного поместья в Бережинском стане Смоленского уезда, а также ему вместе с родичами – Иваном Александровым сыном и Лаврентием Ивановым сыном Ржевскими родового поместья в Дорогобужском уезде⁴⁸. В. М. Ржевский – единственный представитель этой фамилии, кто был помещиком Смоленского уезда. Его имя упоминается в десятое 1606 г. (он числится дворовым сыном боярским с окладом в 400 ч., из тех, что «были у архиепискупа смоленского»)⁴⁹. Можно говорить о том, что относился к низам служилого города. Этот документ примечателен тем, что в нем содержится просьба о даче («возвращении») тех земель, которые находятся в подконтрольных королю Смоленском и Дорогобужском уездах, «а то, государи, старинное наше поместейцо князь Василей Шуйской отдал своим ушником Данилу да Федору Левонтиевым, а Данило, государи, нынеча в бзымене служит

⁴³ АЗР, с. 350, № 267.

⁴⁴ *Арзамасские поместные акты* (1578-1618 гг.), ред. С. Б. Веселовский, Москва 1910, с. 50, 376, 394.

⁴⁵ СПбИИ, кол. 124, оп. 1, д. 520.

⁴⁶ АЗР, с. 350, № 265.

⁴⁷ СПбИИ, кол. 124, оп. 1, д. 428.

⁴⁸ СПбИИ, кол. 124, оп. 1, д. 430.

⁴⁹ Десятня 7114 году по Смоленску, [w:] В. П. Мальцев, *Борьба за Смоленск (XVI-XVII вв.)*. Смоленск 1940, с. 270, № 254.

вару колускому» Этой челобитной соответствует королевское пожалование от 25 сентября 1610 г.: «Ивану Александровичу, Лаврентию Ивановичу и Василью Матвеевичу Ржевским дано в Дорогобужском уезде деда их и дядьков старое поместье, которое Шуйский отдал быть ушником своим Данилу да Федору Левонтьевым, а особливо Василью Матвеевичу Ржевскому его старое поместье, в Смоленскомъ уезде, в Бережнянском стану на речце на Вони деревенька Мошкарова и пустош Бубнове а речце Ивашне..»⁵⁰. В 1626 г. В. М. Ржевский служил по выбору из Вязьмы, с окладом в 550 четвертей⁵¹.

11. 1610 ранее сентября 28. Челобитная братьев Ивана и Григория Ржевских королю Сигизмунду и царю Владиславу о даче им вотчин и поместий в Арзамаском и Рязанском уездах. Без начала и окончания. В этом документе особо указано, что искомые «деревеньки» - во владении разных помещиков, которые «все в измене с Колужским вором», одну только часть поместья король уже отдал «арзамасцу сыну боярскому Федору Староселскому»⁵². Обе эти челобитные нашли отражение в королевских пожалованиях. 28 сентября 1610 г. «Ивану Микитичу Ржевскому, окольниковому, дано знову в Резанском узде поместье Данилово Вострой-шабли с товарищами селцо Суботино, пустошь Орешково, и деревенька Жилинская, деревенька Рудня, деревенька Вязовка с пустошью Александрово, и деревенька Арсеньева што была за поповым сыном»⁵³. И в тот же день «Ивану, окольниковому, и Григорью, думному дворянину, Микитичом Ржевским дано зыову, до первой данины, в Арзамаском уезде отчину князя Ивана Борятинского селцо Пестрецово, да изменничьи поместья и отчизные деревеньки Олексея Колзакова, Семена Чиркова и Третьяково Кошкарова селцо Садки с деревнями»⁵⁴.
12. 1611 (?). Челобитная королю Сигизмунду и царю Владиславу Ивана Александровича Ржевского об очистке его поместья в Бятинском стане, Дорогобужского уезда, сельца Ермакова с деревнями, починками и пустошами, отданного на корм пану Домашевскому⁵⁵. В целях снабжения королевского войска какие-то земли передавались «на корм» офицерам в приставства (об этом подробнее писал И. О. Тюменцев). Утвердивший за собой ранее поместье И. А. Ржевский требовал восстановления своего контроля над ним. Челобитная хронологически выпадает из общего массива данных. Можно осторожно предположить, что Иван Александрович Ржевский и Иван Ржевский дорогобужанин, чья семья жила в это время в осажденном Смоленске, во дворе смоленского судьи И. П. Ленина⁵⁶ - это одно лицо.

Челобитные Ржевских привлекли в 1830-х интерес С. В. Соловьева. Все они были изъяты им из коллекции замка Ску-Клостер, вывезены в Санкт-Петербург и проданы в Археографическую комиссию. Значительная их часть

⁵⁰ АЗР, с. 351, № 274.

⁵¹ Е. Н. Горбатов, Подлинный боярский список 1626 г., „Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы“ вып. 3, Москва 2014, с. 415.

⁵² [Челобитная братьев Ивана и Григория (Ржевских?) королю Сигизмунду и королевичу Владиславу о даче им вотчин и поместий в Арзамаском и Рязанском уездах. Без начала и окончания. 1610 ранее 28 сентября], [w:] Готьё 1912, 272.

⁵³ АЗР, с. 356, № 329.

⁵⁴ АЗР, с. 356, № 328.

⁵⁵ СПбИИ, кол. 124, оп. 1, д. 517.

⁵⁶ [Переписные книги хлебных запасов смоленских жителей. Без начала. 1610 марта], [ww:] Готьё 1912, 246.

была опубликована в Актах исторических. Они относятся к той небольшой части коллекции «смоленских документов», которая была, понятно, составлена в королевском лагере (в отличие от большей части коллекции, относящейся к делопроизводству осажденного города). Эта группа челобитных – почти треть всех сохранившихся челобитных королю и нареченному царю о поместьях и иных пожалованиях, сохранившихся от архива королевского лагеря. Это может указывать на особую активность этого рода в королевском лагере 1610-1611 гг. Однако впрочем серьезных последствий для их службы это не имело. Летом 1611 г. И. Н. Ржевский, оказался в стане Подмосквовного ополчения, отказавшись (?) от чина окольного, полученного от короля⁵⁷. Он был убит вместе с П. П. Ляпуновым⁵⁸. Г. Н. Ржевский и младшие Ржевские видимо также оказались в подмосковных таборах, а в 1618 г. они – упомянуты в списке сидевших в Москве, осажденной нареченным царем Владиславом⁵⁹. После Смуты Ржевские потеряли свое высокое место в чинах Государева двора. Согласно боярской книге 1626 г. никто из них не достигал чина выше патриаршего стольника (Григорий Григорьев сын⁶⁰); трое служили в чине стряпчего с платьем (Григорий Никитин сын, Иван Андреев сын и Иван Иванов сын), остальные – по выбору⁶¹.

Все документы, связанные с поместными дачами в королевском лагере – результат достаточно сложной работы литовских писарей и московских приказных по упорядочению жизни Московского государства, по его нормализации. Еще Л. М. Сухотин отмечал роль Льва Сапегу как организатора такой нормализации. Полагаю, именно великий канцлер литовский, в архиве канцелярии которого и сохранились документы о королевских пожалованиях под Смоленском, вел наиболее серьезную работу по включению западных территорий Московского государства в орбиту литовской бюрократической культуры, либо в качестве новых поветов ВКЛ, либо (и таков, вероятно, был дальний прицел Льва Сапегу) – в качестве организующегося на востоке союзного ВКЛ Московского государства.

BIBLIOGRAFIA:

Ambrosiani P., Löfstrand E., *The Stockholm Smolensk archives: History, contents and cataloguing*, “Петербургский исторический журнал” 2017, № 3, с. 162–173.

Danilenko Andrii, *A missing chain? On the sociolinguistic of the Grand Duchy of Lithuania*, “Acta Baltica-Slavica” 41, 2017, s. 31–57.

Selin A. A., *The Archives of Two Sapielhas and the Two Letters by Xenia Godunova*, [w:] Пяты міжнародны кангрэс даследчыкаў Беларусі. Працоўныя Матэрыялы, том 5 (2016), с. 71–76.
Selin A. A., *Nowogrodzianie pod Smoleńskiem zimą 1610-1611 roku*, „Wschodni Rocznik Human-

⁵⁷ Об отказе Ржевского от чина окольного пишет В. Н. Козляков (В. Н. Козляков, *Смута в России...*, с. 352). Мне не удалось найти источник, которым он руководствовался.

⁵⁸ А. И. Попов, *Изборник* славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции, Москва 1869, с. 352. Новый летописец Хроники Смутного времени, Москва 1998, с. 361.

⁵⁹ Г. Н. Ржевский – в чине дворянина московского, Иван Андреев сын – в чине жильца, Иван Петров сын – в чине дворового по Дорогобужу (Осадный список 1618 г., сост. А. П. Павлов, Ю. Н. Анхимюк, Москва - Варшава 2009, с. 39, 50, 59).

⁶⁰ Е. Н. Горбатов, *Подлинный боярский список...*, с. 364.

⁶¹ Е. Н. Горбатов, *Подлинный боярский список...*, с. 370, 383, 384, 397, 407, 415.

styczny" t. 8 (2012), s. 8–22.

Акты Западной России., т. 4, Санкт-Петербург 1851.

Арзамасские поместные акты (1578-1618 гг.), ред. С. Б. Веселовский, Москва 1910.

Беляев И.С., По поводу одного из источников Смутного времени. О пожаловании "деревнишек", „Старина и новизна” 1914, т. 17, с. 45-56.

Горбагов Е. Н., Подлинный боярский список 1626 г., „Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы” вып. 3, Москва 2014.

Готье Ю. В., Памятники обороны Смоленска 1609-1611 гг., Москва 1912.

Квашнин-Самарин Н. Д., Исследование об истории княжества Ржевского и Фоминского, Тверь 1887.

Козляков В. Н., Смута в России XVII века, Москва 2007.

Мальцев В. П., Борьба за Смоленск (XVI-XVII вв.). Смоленск 1940.

Новый летописец Хроники Смутного времени, Москва 1998.

Осадный список 1618 г., сост. А. П. Павлов, Ю. Н. Анхимюк, Москва - Варшава 2009.

Попов А. И., Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции, Москва 1869.

Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки, сост. М. М. Кром, Москва-Варшава 2002.

Сухотин Л. М., Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе, 1610–1611 гг., Москва 1911.

Сухотин Л.М., Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610-1611 гг., Москва 1911.

Тюменцев И. О., Русский архив Яна Сапеги 1608-1611 годов: Опыт реконструкции и источниковедческого анализа, Волгоград 2005.

Флоря Б. Н., Польско-литовская интервенция в России и русское общество, Москва 2005.